

«ЖИВОГО ПРОШЛОГО ХРАНИТЕЛЬ...»

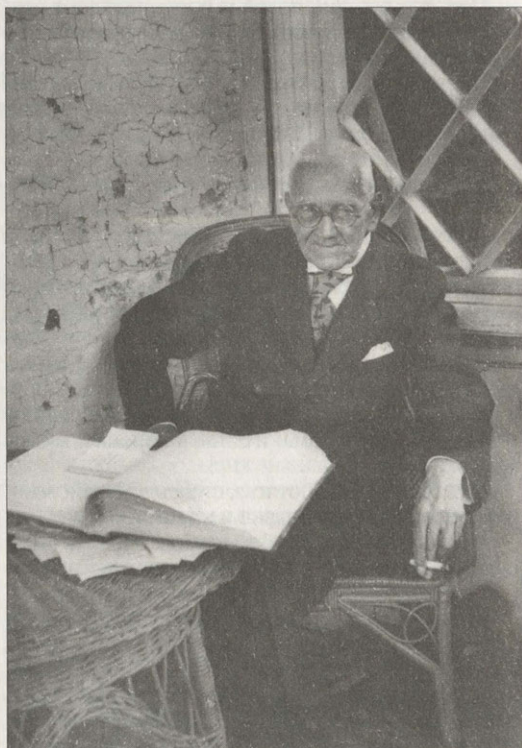
Светлана Долгополова

Всякий, кто думал об истории Муранова, наверное, не мог не почувствовать, что сталкивается здесь с чем-то редким, особенным, даже чудесным. «Мурановское чудо» включает и усадьбную жизнь XIX – начала XX века, в которой воедино сплелись несколько славных литературных имен, и жизнь бывшей усадьбы в XX веке, в музейный период, когда потомки Ф.И. Тютчева, оставшись в родных пенатах, смогли выжить сами и сохранить при этом родовое культурное наследие, официально получившее статус национального достояния.

В Муранове жили образованные русские люди, имевшие живую христианскую веру и ни при каких обстоятельствах не терявшие чувства человеческого достоинства. А по этому чувству двадцатый век нанес, говоря словами Б.Л. Пастернака, «самый сокрушительный удар». Личностью, связывающей XIX и XX века, является Н.И. Тютчев, внук поэта, создатель Мурановского музея.

Николай Иванович Тютчев родился 27 октября (по старому стилю) 1876 года в комнате своей матери, находившейся во втором этаже усадьбного дома в Муранове, а умер 26 августа 1949 года в комнате этого же дома, перед революцией служившей горничным, а после революции ставшей кабинетом директора музея (комната находится во втором этаже деревянной пристройки дома). Известный искусствовед А.Н. Свирин подчеркивал: «Буквально «историческая» роль в судьбе этой семьи после революции выпала на долю Николая Ивановича: превратить дом, в котором он родился, в музей». Он был подготовлен к этой миссии всей своей предшествовавшей жизнью.

У племянников Н.И. Тютчева — К.В. Пигарева и О.В. Муратовой (урожд. Пигаревой) — существовал, среди прочих, такой рассказ о нем: «Когда дядюшку в детстве спрашивали, что ему подарить, он отвечал: «Вещь». Сначала вещи ему покупали в

Н.И. Тютчев
Фотография В.С. Молчанова. 1948

магазинах, а потом стали дарить семейные реликвии». В Завещании Эрнестины Федоровны Тютчевой, написанном 16 марта 1894 года, незадолго до ее смерти, в разделе «Моему внуку Николаю» в последнем пункте сказано: «Что-либо из моих вещей или мебели по его вкусу». Умнейшая бабушка учитывала вкус своего тогда еще юного внука, понимая, что это — один из даров его многогранной личности.

Н.И. Тютчев получил прекрасное домашнее образование, окончил Московский лицей памяти цесаревича Николая и получил высшее юридическое образование в Демидовском лицее в Ярославле.

Круг его художественных, литератур-

ных и других историко-культурных интересов был широк. Он стал известным коллекционером на рубеже XIX–XX веков: собирал живопись, преимущественно портретную, графику, мебель, бронзу, керамику и стекло, автографы знаменитых людей. Его коллекция состояла из произведений искусства, приобретенных им самим, и из фамильных реликвий.

Его отцу, Ивану Федоровичу Тютчеву, младшему сыну поэта Ф.И. Тютчева, суждено было стать наследником всех своих родных, живших в Москве, Петербурге, Орловской и Владимирской губерниях. Его мать, Ольга Николаевна Тютчева, унаследовала Мураново, хранившее память о ее деде Л.Н. Энгельгардте, военном мемуаристе, об отце Н.В. Путяте, литераторе, о муже тетки Е.А. Боратынском, знаменитом поэте. Родителям Н.И. Тютчева приходилось решать много проблем, связанных с сохранением родового культурного наследия. Жизнь семьи со всей наглядностью воплощала пушкинскую мысль о том, что история дома (т.е. рода) — это история отечества.

В Муранове центральными фигурами стали Ф.И. Тютчев и Е.А. Боратынский. Характерно, что И.Ф. Тютчев, сделав наклейки на обороте многих портретов, написал на них краткие сведения об изображенных лицах с указанием степени их родства с поэтом Ф.И. Тютчевым, а не с кем-либо иным.

К началу XX века в Муранове было сосредоточено множество мемориальных предметов, а также документов и автографов Ф.И. Тютчева и Е.А. Боратынского, Н.В. Путяты и Л.Н. Энгельгардта, И.С. Аксакова и Н.В. Сушкова и некоторых других писателей, связанных с ними дружескими и родственными узами. В Москве, в квартире Н.И. Тютчева, находилась его замечательная коллекция. К.В. Пигарев и О.В. Муранова говорили, что в первое время после Октябрьской революции 1917 года в их семье обсуждался вопрос, где лучше создать музей: в Москве или в Муранове. Становилось известно о разорении многих усадеб и естественно возникала тревога — можно ли сохранить мурановское культурное наследие на месте. Правнуки Ф.И. Тютчева рассказывали, что в какой-то день хмурая толпа местных крестьян подошла и к балкону мурановского флигеля. Н.И. Тютчев, сразу же поняв в чем дело, вы-

шел на балкон и спросил пришедших: что плохого вам сделали Тютчевы? Толпа постояла и разошлась, потому что почти все крестьяне были тесно связаны с внуками поэта: либо были их крестниками, либо получали от них материальную поддержку, либо когда-то учились в школе, построенной И.Ф. Тютчевым.

Новая власть в стране с самого начала была обеспокоена тем, что культурно-историческое наследие может быть либо вывезено за границу, либо погибнет на месте от вандализма или даже простого неведения. Она сразу начала принимать меры для сохранения памятников старины, устанавливая учет и контроль за ними. Культурная общественность Петрограда, Москвы и других городов, еще не испытавшая большевистского подавления, тоже с беспокойством следила за состоянием памятников прошлого и сама пыталась активно заниматься их спасением. В стране возникло много комиссий и комитетов, как во властных, так и в общественных органах. 28 мая 1918 года в структуре Народного комиссариата по просвещению был создан Всероссийский отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. 14 сентября 1918 года на заседании Регистрационной комиссии этого Отдела было рассмотрено заявление хранителя Оружейной палаты В.К. Трутовского о выдаче Ольге Николаевне Тютчевой охранной грамоты на усадьбу Мураново и о назначении хранителем усадьбы и всей обстановки Николая Ивановича Тютчева. Постановление гласило: «Усадьбу Мураново желательно сохранить в целостности и назначить хранителем Н.И. Тютчева».

Охранная грамота была выдана в октябре, а мандат хранителя получил Василий Евгеньевич Пигарев, муж Екатерины Ивановны, сестры Н.И. Тютчева. Усадебный дом был опечатан и взят под охрану двух сторожей из местных крестьян. Семьи Тютчевых и Пигаревых остались жить во флигеле, построенном в 1879 году И.Ф. Тютчевым для овдовевшей матери Эрнестины Федоровны.

Рассказывали, что бабушка Ольга Николаевна покинула свое жилище со словами: «Слава Богу, дом я пристроила». Ей было тогда 78 лет, и почти все они были связаны с этим домом. В 1842 году, будучи двухлетним ребенком, она отпраздновала в нем новоселье вместе с семьей

Боратынских (Н.В. и С.Л. Путьята путешествовали в это время по Европе), потом жила в нем подростком вместе с родителями, затем, став взрослой, с мужем и собственными детьми.

В декабре 1919 года, за несколько месяцев до смерти, последняя владелица Муранова успела узнать, что Коллегия по охране памятников искусства и старины Наркомпроса вынесла постановление об открытии в усадьбе музея имени поэта Ф.И. Тютчева. В начале 1920 года Н.И. Тютчев и Т.Г. Трапезников, заведующий V подотделом «охраны памятников искусства и старины в провинции» Наркомпроса, сняли печати с дверей усадебного дома, чтобы подготовить его к приему посетителей.

А.Н. Свиринов в своих воспоминаниях отмечал: «Необходимость сделать музеем жилой дом была сложной задачей, прекрасно решенной Николаем Ивановичем». Автор воспоминаний привел и некоторые принципы решения этой задачи: «Он <Н.И. Тютчев> много передал государству предметов из своего московского собрания, в том числе комплект мебели красного дерева начала XIX века. Бытовые предметы, большей частью XX века, не имевшие ни художественного, ни бытового значения, удалялись, и это придавало любому уголку большую ценность и необыкновенную красоту, продиктованную безукоризненным вкусом Николая Ивановича».

Музей был открыт 1 августа 1920 года в день памяти св. Серафима Саровского, почитавшегося в семье Тютчевых еще задолго до его канонизации. Никаких торжеств не было, открытие прошло тихо.

Надо отметить, что Н.И. Тютчев первоначально в штате музея не состоял. Первым заведующим был назначен К.И. Барташевич, пожилой человек, юрист по образованию, знакомый тютчевской семьи. О нем всегда вспоминали с большой симпатией: «Он часто благодушно шутил, говоря, что пыгается понять отличие пейзажа от портрета». Кроме заведующего в штате открывшегося музея была еще одна должность — сторожа, занятая С.П. Мальковым. Нештатным сотрудником, на должность уборщицы, была взята Анна Матвеевна Федорова, бывшая горничная О.Н. Тютчевой. Она одна идеально убирала оба этажа дома. С 15 января 1921 года на должность смотрителя усадьбы был принят мурановский житель Яков Серге-

евич Дмитриев, бывший садовник Тютчевых. К концу 1921 года в штате музея числилось 6 человек: хранитель — К.И. Барташевич, его помощник — С.И. Тютчева, Я.С. Дмитриев — комендант, В.Я. Степанов — научный сотрудник I категории, С.П. Мальков — сторож, А.М. Федорова — уборщица. Софья Ивановна Тютчева в штате музея оставалась недолго. Позже она показывала музей и ухаживала за парком на общественных началах.

В создании музея Н.И. Тютчеву действительно помогал Трифон Георгиевич Трапезников, память о котором, по словам Свирина, «сохранялась в семьях Тютчевых и Пигаревых как о добром гении Муранова». По свидетельству Свирина, «Т.Г. Трапезников неоднократно приезжал в Мураново и совместно с Николаем Ивановичем Тютчевым обсуждал планы разветвления музея в старом доме».

В октябре 1918 года Трифон Георгиевич возглавил в Наркомпросе самый трудный подотдел: охрану памятников в провинции. Мураново оказалось на его попечении.

Напряженная деятельность Трапезникова в НКП продолжалась до лета 1924 года. Постоянные разъезды в условиях лихолетья, напряжение, необходимое для решения сложнейших проблем на местах и в Москве, подорвали его здоровье. Он был отправлен для лечения в Германию, где и умер в 1926 году в возрасте 44 лет. Удивительный человек! А сколько их было в ту эпоху...

Надо сказать, что многие образованные люди, воспринявшие революцию как трагедию России, но оставшиеся на родине и любившие ее, считали своим долгом включиться в жизнь страны.

К.В. Пигарев и О.В. Муратова говорили: «Дядюшка не уставал повторять нам, что при любой государственности надо трудиться. При этом он добавлял: «Тютчевы всегда должны оставаться Тютчевыми».

Николай Иванович участвовал в создании Первого пролетарского музея и во многих других начинаниях, как общественных, так и правительственных. В конце 1922 года было создано Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ), членом которого он стал. После революции, когда, с одной стороны, усадьбы перестали быть частной собственностью, а с другой стороны, они могли быть в любой момент уничтожены, нужно было безотлагательно заниматься их изучением и сохранением.

В середине 1920-х годов членами ОИ-РУ была выпущена в свет серия замечательных путеводителей (в числе которых был путеводитель по Муранову Н.И. Тютчева) и создана колоссальная картотека по усадебной архитектуре и садово-парковому искусству, по усадебным коллекциям и библиотекам.

Тем временем в государственных структурах все 1920-е годы шли бесконечные реорганизации. В 1921 году в системе Народного комиссариата по просвещению (НКП) была образована Главнаука, при которой был создан Музейный отдел. 20 августа 1922 года по постановлению Совнаркома усадьба Мураново была утверждена в сети учреждений Главнауки как «музей-усадьба».

24 августа 1923 года заседание Совнаркома РСФСР постановило утвердить ходатайство Главнауки о праве пожизненного проживания потомков Ф.И. Тютчева в мурановском флигеле. 9 февраля 1924 года Наркомпрос принял постановление о назначении Н.И. Тютчева пожизненным хранителем и заведующим Музея-усадьбы Мураново. К.И. Барташевич с 1 июня 1924 года стал сверхштатным сотрудником и мог, наконец, отдохнуть от бремени ответственности. Но для Н.И. Тютчева за этим этапом борьбы за музей незамедлительно последовали другие.

В начале 1925 года Совнарком РСФСР подготовил проект постановления, направленного против бывших владельцев усадеб, оставшихся жить в своих имениях. В проекте указывалось, что имеются «многочисленные факты оседания бывших помещиков в своем имении под предлогом устройства музеев и охраны памятников старины». Наркомпросу было дано задание «по выселению помещиков, проживающих в усадьбах-имениях, находящихся в ведении или под охраной учреждений НКП, Наркомзема».

Главнаука немедленно обследовала музеи-усадьбы, находившиеся в ее ведении. В трех подмосковных усадьбах — Остафьеве, Муранове и Абрамцеве — заведующими действительно оказались бывшие владельцы. Но Главнаука в своем заключении вынуждена была их защитить: «Они совершенно устранены от какого бы то ни было соприкосновения с хозяйственной эксплуатацией усадеб и оставлены на службе только в качестве специалистов по историко-художественной части». Указывалось и основание защиты: «научная

квалификация и знание художественного материала побудила НКП сохранить их в качестве музейных работников».

17 февраля 1925 года Мураново было передано в ряду других музеев в подчинение Московского губернского исполнительного комитета, в ведение Музейного подотдела МОНО Моссовета. Это заметно понижало статус музея.

3 октября 1928 года в газете «Известия» было опубликовано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о музейном строительстве от 20 августа 1928 года. Музеи обязаны были немедленно отзываться на текущую жизнь страны, активно участвовать в построении социализма. В Постановлении указывалось на недостатки кадровой политики, в результате чего даже возник новый лозунг «омолаживания кадров». Так Н.И. Тютчев снова оказался в зоне огня. В 1929 году была предпринята попытка лишить его директорской должности, а 6 марта 1930 года вышло Постановление Президиума Московского Совета Р., К. и К. Д. о закрытии Мурановского музея. 20 марта 1930 года представители культуры и науки обратились с письмом в защиту музея.

Приводим текст этого письма, сохраняя пунктуацию и орфографию подлинника:

*В Президиум Московского Совета
Секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе
Федерации Объединений Советских
Писателей*

Невдалеке от Москвы близ ст. Ашукинская Сев. ж. д. находится небольшая усадьба «МУРАНОВО», представляющая из себя чрезвычайно ценный историко-литературный памятник эпохи сороковых годов. Поэты Е.А. Боратынский, великий поэт Федор Иванович Тютчев, И.С. Аксаков и др. представлены в этом музее богатыми экспонатами. В этой усадьбе постоянно бывал Н.В. Гоголь и сохранилась его комната со всем убранством и обстановкой, был А.С. Пушкин и многие другие. Таких историко-литературных памятников имеется в СССР только два: Ясная Поляна и Мураново. Поэтому естественно то беспокойство и опасение, которое вызывает решение органов Московского Совета о ликвидации Муранова. Такая ликвидация была бы большой и неоправданной ошибкой, т. к. все то, что собрано в Муранове, имеет смысл и значение для экспони-

рования только в самом Муранове, т. е. в том месте, где жили и работали те, кому посвящен музей. Кроме того, музей собирался с такой тщательностью, с таким громадным трудом, что было бы большой несправедливостью разрушать результаты такого труда, а главное, что музей Мураново представляет из себя настолько большую ценность, что уничтожение его явилось бы большим ущербом. В деле изучения истории русской культуры Мурановский музей является необходимой и чрезвычайно богатой иллюстрацией того периода блестящего расцвета русской литературы 19-го века, который вывел ее на мировую арену.

Поэтому, мы — нижеподписавшиеся обращаемся с большой и убедительной просьбой об оставлении этого музея в неприкосновенном виде.

Сохранение этого замечательного памятника русской культуры будет встречено советской общественностью, несомненно, с чувством глубокого удовлетворения.

Москва, 20 марта 1930.

Народный Артист Республики Л. Леонидов, Народный артист Республики В. Качалов, Народная Артистка Республики О. Книппер-Чехова, Президент Государственной Академии Художественных Наук Проф. П. С. Коган, Георгий Чулков, В. Вересаев, Ив. Новиков, Л. Гроссман, М. Цявловский, Артист Театра имени Евг. Вахтангова Л. Русланов.

Случилось чудо. 8 мая 1930 года Президиум Московского Совета Р. К. и К. Д. во исполнение постановления от 6/III 1930 решил: сохранить музей «Мураново» как «историко-литературно-бытовой памятник конца XVIII и XIX столетия».

Впереди были другие испытания, в том числе такое огромное, как Великая Отечественная война. Николай Иванович провел музей через все бури и невзгоды и оставил его в 1949 году на попечение своего племянника Кирилла Васильевича Пигарева, к тому времени ставшего уже ученым-литературоведом.

В 1925 году Ю.Н. Верховский написал стихотворное посвящение Н.И. Тютчеву на книге подготовленных им материалов к биографии Е.А. Боратынского. Последняя строфа звучит как определение сущности Муранова и как указание на источник сил для подвига его хранителя:

Живого прошлого хранитель
Найдет родник высоких сил,
Где Боратынского обитель
Любовью Тютчев осенил.

Семейные предания и рассказы бытовали в Муранове в устной форме. Обычно они имели одну редакцию или же несколько близких друг другу. Правнук Ф.И. Тютчева К.В. Пигарев (1911—1984) и его сестра О.В. Муратова (1913—1991) никогда их не записывали. Отточные миниатюры о прошлом и документальные свидетельства разного рода мне довелось слышать от них в 1970-х — 1980-х годах.

Н.И. Тютчев в рабочем кабинете
Фотография В.С. Молчанова. 1948